

УТВЕРЖДАЮ
Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки

Института филологии Сибирского отделения

Российской академии наук

д.ф.н. И.В. Силантьев

5 октября 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного
учреждения науки

Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук
(сектор литературоведения)

на диссертационную работу **ИБАТУЛЛИНОЙ Гузели Мртазовны**
«Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX веков»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Работа Гузели Мртазовны Ибатуллиной – неординарное исследование. Оно поражает объемом, глобальностью целей, амбициозностью задач. На 564 страницах автор, размышляя на темы, касающиеся вопросов природы сознания как такового, ставит проблемы взаимоотношений мифотворческого и рефлексивного типа сознаний, границ и определяющих качеств текстового и нетекстового, предлагает авторское понимание художественной рефлексии и оригинальную теорию жанров. Собственно, с философских размышлений исследование и начинается: «Развиваемые в диссертации концепции имеют существенное значение для разработки и конструирования новых теоретических моделей структуры, генезиса, эволюции художественного сознания, а также человеческого сознания в целом» (с. 11, автореферат). При этом речь идет не об отдельных литературоведческих или философских сферах, а о «единой теоретической модели, описывающей и объясняющей процессы образотворчества и смыслопорождения» (с.9 автореферат), которая должна использоваться и приводиться в действие в основной части диссертации.

Сразу скажем, что в нашем отзыве мы коснемся лишь отдельных ключевых историко- и теоретико-литературных тезисов, ни в коей мере не претендуя на оценку диссертационного исследования с философских позиций, что, вообще говоря, было бы уместно по отношению к данной работе: она опирается не только на литературоведческую теорию, тесно соприкасающуюся с философской лингвистикой и социологией

(М.М. Бахтин, М. Фуко, Ю.С. Степанов и др.), но и на философию как таковую, от классики до современности (А.В. Ахутин, М.К. Мамардашвили, И. Пригожин, Г.П. Щедровицкий, В.В. Налимов и др.), от традиционно цитируемых авторов до тех, чьи имена в литературоведческом контексте встречаются крайне редко (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, Шри Ауробиндо и т.д.). В данном случае профессиональная компетенция обязывает нас оставаться в пределах литературоведения.

Как уже было показано, **теоретическая и методологическая база работы** обширна. В качестве главного, что повлияло на исследовательницу в области литературоведения, назовем труды М.М. Бахтина, Б.О. Кормана, В.А. Зарецкого, А.Ф. Лосева. Идеи этих авторов не просто усвоены Г.М. Ибатуллиной, но и творчески преобразованы, расширено и поле их применения.

Грандиозный масштаб исследования Г.М. Ибатуллиной определяет его плюсы и минусы. Работа, безусловно, обладает **научной актуальностью и новизной**, поскольку в ней представлено индивидуальное теоретическое переосмысление основных литературоведческих понятий, обновлено представление о художественной рефлексии как о фундаментальном качестве словесного искусства. Иногда переосмысление основных теоретических категорий у Г.М. Ибатуллиной базируется на традиционных положениях, иногда ей удается совершенно по-новому ввести те или иные философские постулаты в литературоведческое русло. Главное, в чем состоит новизна диссертации, – это возможность соотнести понятие художественной рефлексии с другими, вполне разработанными литературоведческими категориями, такими, как архетип, образ, сюжет, жанр, бахтинский «диалог», в некоторой мере синонимичный, по мнению докторантки, рефлексии. Такая соотнесенность позволяет по-новому увидеть движение современной литературоведческой мысли.

Ключевой теоретической идеей диссертации (этому и посвящены **две** полновесных главы **первой части** исследования) является понимание художественного как самоосознающего. Г.М. Ибатуллина убедительно доказывает, что самоосознание – это неотъемлемое качество художественной литературы, и оно находит свое выражение в таких литературоведческих концептах, как образ, жанр, сюжет, стиль и др. Всесторонние проекции понятия «художественная рефлексия», сделанные в работе, и определяют ее **теоретическую значимость**. Особенно выразительно понимание жанра. Он понимается Г.М. Ибатуллиной как жанровая (а не авторская!) рефлексия. В этой мысли, глубоко и подробно развиваемой в диссертации, видится нам весьма плодотворное продолжение идей М.М. Бахтина о «памяти жанра» и С.С. Аверинцева, писавшего о «собственной воле» жанра, которая не может быть оспорена автором (об этом см.: с. 85).

Та же идея внутриструктурного отражения (своего рода самоотражения) развита и по отношению к таким художественным парадигмам, как архаическое искусство, классицизм, романтизм и реализм. В качестве монистического рассматривается архаичное мифологическое

сознание, от которого все дальше и дальше уводит рефлексия, позволяющая жанрам, стилям развиваться в борьбе с постоянно возобновляющейся мифогенностью. Классицизм и романтизм представлены как система оппозиций долга и чувства/страсти с перевесом в одну или другую сторону¹. Истинное воплощение объемного художественного мышления, представленного не одной оппозицией, а множеством точек зрения, отражающих (и осмысливающих) друг друга, определяется в работе как реализм. В связи с этим хотелось бы спросить следующее: сам этот некогда почти обязательный в работах о литературе термин («реализм») в настоящее время существенно сдал свои позиции и встречается крайне редко как у современных российских, так и у зарубежных авторов. Чем можно было бы это объяснить? Заметим также, что хотя во введении исследовательница дистанцируется от вульгарного диалектизма, идея рефлексивной доминантности в искусстве не выглядит, на наш взгляд, чуждой идеи далектического развития и прогресса.

Г.М. Ибатуллина, считая, что искусство направлено на многогранное, многостороннее отражение (осмысление) реальности, и даже более того – на освобождение реальности от мифологизирующих ее и склонных к застыванию моделей (а они образуются как вне литературы, так и в ней самой), говорит о рефлексии как о постоянно работающем внутреннем механизме культуры, который призван убирать, уничтожать законыевшие модели. Именно здесь Г.М. Ибатуллина чаще всего и говорит о «реализме» и «реальности». Приведем один пример, демонстрирующий заодно, как глубоко диссидентка чувствует анализируемый текст и проблемы, возникающие при его осмыслении. «Фигура Дон Кихота, – пишет исследовательница, – в культурологическом плане оказывается фигурой метасимволической: она не только символизирует склонность человеческого сознания погружаться в создаваемые им самим модели мировидения, рано или поздно обнаруживающие степень своей иллюзорности, “модельности”, “отраженности”; она утверждает аксиологическую и смысловую значимость двояконаправленного культуротворческого процесса, которым движется развитие человеческого сознания: процесса мифопорождения и демифологизации. Дон Кихот есть символ не крушения и изживания “иллюзий” (а это значило бы крушение и самого символа как одной из подобных форм), но символ ценности и значимости этих “иллюзий”, в том числе, и самих символов. Именно это и превращает его фигуру в метаобраз – своеобразный “символ символов”» (с. 76). И далее следует вывод: «Суть реалистического мышления и загадка его “реалистичности” именно в том, что, осознавая существование модели как *модели*, он открывает ее ограниченность, и как следствие, обнаруживает “реалистический” остаток

¹ Нам кажется, что вне зависимости от количества разного рода контрастов и оппозиций в тексте, вне зависимости от исхода конфликта и составляющих этого конфликта, любая художественная вещь, созданная в любом стиле, может обладать способностью внутренних структурных отражений (т.е. рефлексией в понимании Г.М. Ибатуллиной), которая обеспечивается хотя бы в длительностью, неожиданностью, сложностью переходов от одного к другому даже внутри одной оппозиции.

или избыток “сырой эмпирической жизни”, которая не вмещается в эти модели и существует как бы сама по себе. Но именно “как бы”, потому что в конечном итоге этот “избыток” также оказывается смоделированным писателем в границах художественного текста» (с. 78).

Обратим внимание на это очень важное «как бы». Конечно, рефлексия предполагает обозначение того, что является ее предметом, с полаганием его границ. Но какая именно стоит за всем этим «реальность»? Скорее всего, речь идет о «как бы» реальности, о правдоподобии, об одном из приемов, которыми владеет искусство. Что же касается его целей, то можно вспомнить известнейших теоретиков, которые считали таковой достижение идеального высшего начала. Впрочем, как нам кажется, все это тончайшим образом чувствует Г.М. Ибатуллина. Она не раз отмечает, что сознание имеет сложную природу, включающую в себя не только четко отрефлексированные зоны с ясными границами, но и менее четкие области: чисто эмоциональные события, иллюзорные картины снов, памяти, видения, предчувствия и другие интуитивные движения – все это проходит в сознании, вдалеке от реалий и денотатов. Опосредованные, множественные ступени и градации процесса мышления, вплоть до едва различимых, почти невнятных, и являются то ли начальным импульсом, то ли конечной реализацией рефлексии. Потому-то мы и досадуем, что в своих конечных формулировках докторантка остается неизменно верна все тому же «реализму».

Первый конкретный прозаический текст, в который глубоко погружается автор докторантуры, иллюстрируя свои идеи – «Черный монах» А.П. Чехова². Подробный и тонкий анализ чеховской повести заслуживает всяческих похвал. Выбор именно этого текста понятен, ведь сам образ черного монаха сродни двойнику. Это грэза сознания, умножающая и оттеняющая различные стороны внутреннего мира Коврина, – так же, как и рефлексия, способна остранить, отделить, зеркально отразить, удвоить, дать возможность увидеть и осмыслить те или иные стороны мыслящего «я», будь то герой или автор. Таинственный Черный монах, овнешняя сложное «я» Коврина, превращает, по мнению Г.М. Ибатуллиной, повесть Чехова в мистерию. Докторантка считает, что повесть Чехова должна прочитываться как «страсти Андреевы»: Андрей Коврин воплощает путь мыслящего, творческого человека, охваченного вдохновением, переживающего грехопадение, отречение от великих смыслов и приобщение к ним, вместе со смертью, в finale. Литературность и пародирование литературности тех или иных образов придает многогранность повести, позволяя разглядеть в ней черты других жанров и стилей. Исследовательница пишет: «Мир мифологем и мир реальный в системе повести “смотрятся” друг в друга». Для нас, однако, осталось не совсем ясным, что такое «реальный мир» в «системе повести». И Коварин, и Песоцкий, и Таня – насквозь литературные образы, усадебный и ялтинский пейзажи символичны и литературны, сад – тем более,

² Надо сказать, что ярчайшие образцы жанровой рефлексии в том понимании, которое предлагает Г.М. Ибатуллина, можно найти в русской литературе XIX века гораздо раньше («Евгений Онегин», например).

о чём, собственно, пишет сама исследовательница, указывая на многочисленные литературные источники чеховской образности. Движение к реальности Г.М. Ибатуллина усматривает в стилистической игре: «внизу нелюдимо блестела вода, носились с жалобным писком кулики, и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши». Но эта ироничная концовка фразы, на наш взгляд, соотносит между собой разные стилистические срезы повествования и реальна настолько, насколько реально все, что лежит в области стиля, будь это метатекст, интертекст, пародия, ирония и т.п. Вероятно, чувство «реальности» (этот термин под пером Г.М. Ибатуллиной иногда, в сущности, превращается в обозначение высокой художественности) здесь сближается с чувством формы, с «реальным» переживанием пластики словесной материи или архитектоники, которую Г.М. Ибатуллина по традиции называет «целостностью» или в духе Бахтина связывает с завершённостью/незавершённостью. Вообще для этой диссертации характерно не только разнообразие исследовательских техник, но и терминологическая живость, наполнение устоявшихся понятий индивидуальными смыслами. Чаще всего нам казалось это плодотворным.

Вторая глава первой части заканчивается «эскизом» (с. 81), как скромно заявляет соискательница, теории жанров и даже родов литературы. Г.М. Ибатуллина пишет о специфике эпоса, лирики и драмы, о статусе автора в разных родах литературы, о связи рода и жанра, жанра и архетипа, о роли рефлексии в каждом из родов и в различных жанрах соответственно, о зарождении литературы на фоне мифа, о мистерии на фоне мифа и литературы, об отношении каждого из литературных родов к категориям времени и пространства. Все это делается под углом зрения художественной рефлексии, причем ближе всего к ней оказывается эпический род литературы: «Эпический автор утверждает себя как наблюдателя и свидетеля, осознающего смысл происходящих событий. <...> важен именно факт художественного постулирования эпическим автором своей позиции граничности, в отличие от драмы и лирики, где эта авторская позиция является имплицитно данным условием текстопорождения. В эпосе не просто сам автор как demiurge-создатель, но *образ авторского сознания* явлен как граничный» (с.125). Лирика, напротив, считает Г.М. Ибатуллина, отделена от рефлексивного, поскольку не склонна к аналитическому отделению субъекта от объекта, не предполагает активного коммуникативного плана, активной направленности на адресата. Однако и в лирике усматриваются первичные ступени осознания: «Лирический мирообраз рождается прежде всего из ассоциативных, а не рефлексийных связей и отражений... сама по себе ассоциация также есть первичная ступень осознания, промежуточная между мифологически связанным, замкнутым, самотождественным сознанием и – сознанием рефлексийно-разомкнутым» (с. 130). Драма описывается Г.М. Ибатуллиной через концепцию игры (имеется в виду игра в самом универсальном культурологическом смысле, – как в работах Й. Хёйзинги), поскольку драма «разыгрывается» на сцене, на глазах у зрителей и как бы без авторского участия. Здесь же ставится вопрос о

потенциальном/актуальном в эпосе, лирике и драме и отмечается высокая роль потенциального в драме. Лирике приписывается «исповедальный» характер, что позволяет диссертантке без лишних пояснений оценить авторский статус в этом роде искусства.

Первая часть изобилует интереснейшими наблюдениями теоретического характера, позволяющими почувствовать яркое, темпераментное литературоведческое мышление Г.М. Ибатуллиной. Вызывает некоторые сомнения только одно обстоятельство: в теоретической части работы исключительно редко цитируются чужие работы, обычно все ссылки концентрируются в начале глав или подглавок, а далее нить рассуждений строится Г.М. Ибатуллиной самостоятельно, в отрыве от истории изучения данного вопроса. Между тем поднимаются проблемы, о которых написано очень много. Теория драмы, эпоса, лирики, проблема автора разных родах литературы не принадлежат к малоизученным вопросам, подробно изучены также и жанры, и жанровые системы, и в каждой из этих областей существуют тончайшие нюансы. Нюансы настолько значимы, что все чаще в последнее время всерьез обсуждается переход к прецедентной поэтике. Задача работы Г.М. Ибатуллиной противоположна тенденциям такой поэтики, которая стремится изучать каждое произведение подробно и в отдельности, по законам его собственной структуры и с подбором своего методологического ключа к каждому конкретному тексту. Г.М. Ибатуллиной, напомним, кажется возможным изобрести «единую теоретическую модель, описывающую и объясняющую процессы образтворчества и смыслопорождения» (с.9, автореф.), а в главе о жанрах исследовательница сетует, что еще не создана «фундаментальная, целостная, концептуально-завершенная жанровая теория» (с. 80), предлагая свои «наметки» «энциклопедического подхода к изучению жанров – как в синхронии, так и в диахронии» (с 81). Обобщенный взгляд на теорию жанров и родов литературы и отсутствие подробной истории вопроса (а история вопроса и есть его рефлексия, только не художественная, а литературоведческая) – это вроде бы недостаток работы, но талант исследовательницы, живость ее языка и оригинальность мысли вполне его искупают, заставляя при этом вспомнить научную эссеистику в духе неустаревающей монографии Г. Гачева «Содержательность художественных форм: Эпос, лирика, театр», где тоже, кстати, решаются те же проблемы, что и во второй главе рецензируемой диссертации.

Вторая часть диссертации (она состоит из 6 глав) заключает в себе анализ текстов XIX-XX веков, который должен подтверждать теоретические выводы первой части, но вторая часть столь же самостоятельна, как и первая. Все фрагменты об отдельных писателях и их произведениях («Записки охотника» Тургенева, «Кроткая», «Идиот» и «Крокодил» Достоевского, три рассказа Лескова, три повести Куприна, новеллы Зощенко, «Доктор Живаго» Пастернака) самодостаточны и автономны, ценные сами по себе и тоже изобилуют интересными наблюдениями и демонстрируют не прямые, а порой очень сложные ходы мышления Г.М. Ибатуллиной. Объем отзыва не

позволяет, к сожалению, вдаваться в детали анализа этих очень разных и по жанру, и по времени создания, и по стилю текстов.

Описанное в первой, теоретической, части соотношение рефлексийного и мифологического мышления при анализе конкретных текстов превращается в выявление в каждом примере той или иной мифологемы, архетипического контура, затем делается обзор различных смысловых поворотов текста, извлеченных из несовпадения с мифологическим, архетипическим, сказочным, агиографическим. Так, в «Певцах» Тургенева Г.М. Ибатуллина усматривает рыцаря-змееборца (пейзаж с оврагом-змеем вплетается в символическую картинку-миф), в главных героях «Идиота» и «Доктора Живаго» – Настасье Филипповне и Ларисе Федоровне – видится Г.М. Ибатуллиной Святая София, причем речь идет, что особенно оригинально, о второй Софии, «Софии падшей» – Ахамот. Сквозь призму сказок и жития прочитывается «Кроткая»: сказочные и житийные каноны примериваются на героев, а авторское сознание собирает и остраняет все геройные маски. Наложение архетипических схем помогает Г.М. Ибатуллиной рассмотреть в «Кроткой» и других текстах Достоевского известную смысловую обратимость: жертва является палачом, и наоборот, палач – жертвой (в соответствии с любимым афоризмом Достоевского о смирении, которое «паче гордости»). Та же, житийно-сказочная канва прилагается к рассказам Лескова и другим текстам, подвергшимся исследованию во второй части диссертации. Все это очень интересно и оригинально, но все-таки нам хотелось бы видеть, как и в первой части диссертации, более подробные и многочисленные отсылки к работам других ученых. К примеру, описывая при помощи сказочных кодов, нарративную многогранность Лескова, Г.М. Ибатуллина размышляет следующим образом: «“Рассказ” – как слово, обозначающее процесс и результат текстопорождения, также трансформируется из лексемы в словообраз, воспринимаемый в качестве варианта, метафоры и микромодели космоургии. Мифологема “рассказывания” является одним из инвариантов образно-семантической парадигмы, описывающей процессы творения». При этом она обходится без обзора исследований по сказовой поэтике, а такой обзор, на наш взгляд, стоило бы сделать, если говорить о стилистической рефлексии, ведь в сказе Лескова и другим исследователям видится изображенная, остраненная (то есть отрефлексированная) миромодель.

Больше всего внимания во второй части диссертации уделено Пастернаку, его роману «Доктор Живаго». Исследовательница констатирует жанровую полифоничность этого текста, а для описания рефлексивной структуры применяет богословское понятие «неслиянная нераздельность», которое и определяет в романе соотношение авторского и персонажного, а также позволяет понять природу симвлических параллелей, таких, как Юрий Живаго – Иисус Христос, Гамлет – Христос...

Вдаваясь в литературоведческую историю, напомним, что понятие единораздельность (неслиянная нераздельность, нераздельность/неслиянность) было спроектировано из богословия и

философии в литературоведческую область лет 30 тому назад (С.Г. Бочаров сделал это одним из первых), и с тех пор в этом направлении работали многие, что, однако, остается вне поля зрения исследовательницы. Самостоятельность, индивидуальность и оригинальность подходов вообще характерна для стиля работы Г.М. Ибатуллиной, но иногда хотелось бы, повторим, чтобы новые и оригинальные гипотезы вписывались в прежде бывшие научные контексты. Это помогло бы, заодно, сократить объем диссертации: для обозначения некоторых тем хватило бы просто ссылки на предшественников.

Последняя, **третья часть**, включает в себя всего две главы, но по своему замыслу не менее грандиозна, чем первые две части. Она обращена к экзистенциальному и лирическому, в ней делается попытка поставить и даже решить проблему «рефлексия и исповедальность». По мнению Г.М. Ибатуллиной, природа искусства предполагает преодоление границ человеческого «я», но есть формы, где «я» очень сосредоточено в себе самом, а граница между «я» и миром, между «я» и другим «ты» особенно напряжена. Некоторые формы художественного сознания, считает она (лирическая прежде всего), уместнее всего сравнивать с исповедью, преображающей, очищающей «я» от «утилитарного»: «Момент пограничности и инициативности исповедального сознания, – пишет Г.М. Ибатуллина, – обуславливает его как момент чистого осознания, то есть исповедальная интенция есть чистая интенция осознавания: я осознаю свое осознанное стремление к осознанию...» (с. 418). Исповедь, как и лирические художественные формы, обнажает границы коммуникации, идет по грани коммуникативного разлома, высвобождая как в «я», так и в его адресате сверхвозможности, неисчерпаемую потенциальность. Саморазлом «я», выход его за свои пределы в высшие сферы – все это напоминает Г.М. Ибатуллиной о рефлексии, о рефлексивной дифференциальности, видится как отражение отражения. В духе С.Л. Франка, М.М. Бахтина и с привлечением цитат из богословских текстов и русской классики (по традиции – Толстой vs Достоевский) Г.М. Ибатуллина размышляет о статусе «я» в процессе самосознания и в художественном тексте, о динамической сущности «я», порождающейся жертвенной утратой себя и, напротив, само- и миро-обретением. Все эти вопросы предельно сложны и с литературоведческой, и с философской точек зрения, их окончательное решение невозможно. Ценно как раз то, что они имеют различные оттенки в современной науке, которая переживает, на наш взгляд, переход от постановки этих вопросов к обсуждению их частностей, к сужению масштаба.

В этой части Г.М. Ибатуллина обращается к анализу лирики Б. Пастернака и А. Ахматовой, а также – к «Постороннему» А. Камю. Если лирика Ахматовой берется в целом – исследовательница размышляет об ахматовской «печали», разъединяющей/соединяющей с миром и Богом, то в параграфе о Пастернаке внимание фокусируется на «Рождественской звезде». Стоит отметить интересный анализ этого стихотворения, посоветовав исследовательнице расширить и углубить мысли об

«исчезновении текста» с учетом поэтических минус-приемов, что было бы, как нам кажется, продуктивно в перспективе. Если же касаться не частностей, а общего плана третьей части диссертации, – думается, что термин «исповедальность» в понимании Г.М. Ибатуллиной излишне сосредоточен на субъектно-объектном подходе к художественному тексту, в котором есть и другие планы: пространственно-временной, ритмический, композиционный, которые в лирике очень важны.

Завершается диссертация заключением, где подводятся итоги исследования. Мы же, подводя итоги отзыва, делаем следующее обобщение. Высказанные замечания и сомнения не уменьшают чрезвычайной ценности работы, масштаб которой и впечатляет, и провоцирует дискуссию, что всегда продуктивно и даже необходимо в науке. Богатство исследовательской мысли Г.М. Ибатуллиной не оставляет никаких сомнений. Не много найдется литературоведов, которые способны осмыслять и теоретически, и на конкретных примерах самые общие и ключевые проблемы художественности, касающиеся разных жанров, стилей, разных образов сознания. Г.М. Ибатуллина принадлежит именно к таким редким исключениям масштабно мыслящих ученых.

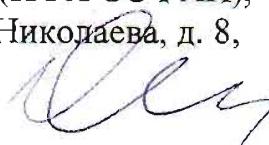
Рассматриваемая диссертация является завершенным исследованием, в котором поставлены **обоснованные и достоверные научные положения**, в конце которого **даны выводы и намечены дальнейшие перспективы**. Результаты работы были апробированы на научных конференциях и отражены в 63 публикациях (из них 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК), среди публикаций 4 монографии (одна – коллективная). Результаты и выводы могут быть использованы в практике преподавания в вузах при чтении курсов лекций по истории русской литературы XIX-XX вв., теории литературы, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по историко-литературным и теоретическим дисциплинам, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет **практическую значимость исследования**.

Проделанная работа, ее стиль, изложение результатов на 564 стр., адекватное представление текста в автореферате и 63 публикациях – все это отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени доктора наук, изложенным в пунктах 9-10 действующего Положения о присуждении ученых степеней. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Гузели Мртазовны Ибатуллиной представляет собой научно-квалификационную работу, в которой удалось решить **крупные задачи**, связанные с теоретическим осмыслением проблемы художественной рефлексии и выявлением процессов художественной рефлексии в конкретных художественных текстах XIX-XX вв. Данная задача имеет значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XIX-XX вв., а также для теории литературы, а автор диссертации «Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX вв.» Гузель Мртазовна Ибатуллина заслуживает

присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – Русская литература (филологические науки).

Отзыв, составленный доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института филологии СО РАН Е.В. Капинос (специальность 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)), обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН 1 октября 2015 г., что нашло отражение в протоколе № 16. Присутствовало на заседании 10 человек. В обсуждении приняли участие 6 человек. Результаты голосования: «за» – 8 человек; против – «0», воздержался – «2».

Зав. сектором литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18,
silantev@post.nsu.ru

И.В. Силантьев

Подпись И.В. Силантьева заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

Э.Б. Зульфигарова

5.10.2015